



ШЕСТАЯ ЖЕНА КОРОЛЯ ГЕНРИХА VIII

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 Выбор духовника

Это было в 1543 году. Английский король Генрих VIII снова стал самым счастливым, самым достойным зависти человеком во всем королевстве, так как сегодня он снова женился, а Екатерина Парр, молодая вдова барона Латимера, имела опасное счастье быть избранной шестой женой короля.

Разумеется, для вдовы незначительного барона было большой честью и громадной гордостью счастье стать законной супругой английского короля и возложить на свою голову королевскую корону. Тем не менее сердце Екатерины Парр сжимала какая-то смутная тревога, ее щеки были бледны и холодны, а сурово стиснутые губы едва-едва смогли разжаться перед алтарем, чтобы вымолвить налагающее брачные цепи «да».

Наконец священная церемония окончилась, и обе высшие духовные особы — Гардинер, епископ Винчестерский, и Кранмер, епископ Кентерберийский, повели, как того требовал придворный этикет, новобрачных в их покои, чтобы еще раз благословить их и помолиться вместе с ними до того, как начнется официальное празднование.

Как ни была бледна и взволнованна Екатерина, она все-таки проделала все необходимые церемонии с истинно королевской осанкой и достоинством, и, когда она твердым шагом и с гордо поднятой головой шествовала между обоими епископами через роскошно убранные комнаты, никто не мог бы заподозрить, какие мрачные предчувствия трепетали в ее душе.

Вместе со своими спутниками и в сопровождении своей новой свиты она прошла через роскошные приемные комнаты и вступила во внутренние покои. Здесь, следуя этикету того времени, Екатерина должна была отпустить придворную свиту, так как в личные комнаты королевы могли проследовать только оба епископа и фрейлины. Но и оба епископа не смели пройти далее приемной королевы. Король подписал весь церемониал сегодняшнего дня, и тот, кто хотя бы на йоту осмелился отступить от его предписаний, был бы объявлен государственным преступником и поплатился бы за это, может быть, даже и жизнью.

Поэтому Екатерина с усталой улыбкой обратилась к обоим епископам и попросила их обождать здесь, пока она не позовет их. Затем она кивнула своим фрейлинам и проследовала в их сопровождении в свои покои.

Епископы остались наедине в приемной, и казалось, что это было одинаково неприятно им обоим, так как лбы их покрылись густой сетью недовольных морщин; словно по взаимному уговору, они разошлись в противоположные углы комнаты.

Наступила продолжительная пауза. Не слышно было ни единого звука, кроме тиканья больших дорогих часов, стоявших на камине, да еще с улицы время от времени доносились отдаленные возгласы восторженных толп, шумящими потоками стекавших со всех сторон к дворцу.

Гардинер подошел к окну и с какой-то странной, мрачной улыбкой посматривал на облака, которые с бешеной скоростью мчались по небу, гонимые бурным ветром.

Кранмер стоял у стены и в печальном раздумье смотрел на портрет Генриха VIII, писанный мастерской рукой Гольбей-

на. И когда он смотрел на эту фигуру, выразившую бездну истинно королевского величия и жестокости, когда вглядывался в эти глаза, смотревшие с мрачной строгостью, в эти губы, которые улыбались в одно и то же время и приветливо, и грозно, его охватило глубокое сочувствие к молодой женщине, которую он сегодня благословил на... блестящее несчастье. Он вспомнил, как ему пришлось уже вести к брачному алтарю и благословлять супружество двух прежних жен короля, а потом сопутствовать им обеим, когда они всходили на ступени эшафота.

Как легко могла подпасть достойная всякого сочувствия молодая супруга короля такой же мрачной участи; как легко могла Екатерина Парр, подобно Анне Болейн и Екатерине Говард, заплатить за краткие часы блеска позорной смертью! Достаточно одного неосторожного слова, взгляда, улыбки — и она погибнет, так как подозрительность короля была безгранична и его жестокость не находила достойного наказания для того, кем он считал себя оскорбленным.

Вот какие мысли занимали епископа Кранмера. Они смягчили его и расправили на лбу суровые складки.

Теперь он уже сам улыбнулся тому неудовольствию, которое испытал незадолго перед этим, и сам упрекал себя в легкомысленном отношении к святости своего призвания, так как не выказал никакой готовности пойти навстречу своему врагу с попыткой примирения.

Кранмер знал очень хорошо, что Гардинер был его врагом; последний достаточно часто доказывал ему это своими поступками, хотя на словах и старался выказать расположение.

Но если Гардинер даже и ненавидел его, то из этого не следовало, что он, Кранмер, должен отвечать ему такой же ненавистью, что, презрев заветы своего высокого призвания, он имеет право назвать своим врагом того, кого должен был бы любить и почитать, как собрата.

Поэтому благородный Кранмер устыдился своего минутного недовольства. Ласковая улыбка осветила его спокойное лицо. С полной достоинства кротостью и нежной

ласковостью он прошел через комнату, направляясь к епископу Винчестерскому Гардинеру.

Тот посмотрел на него мрачным взглядом и, не отходя от оконной ниши, в которой стоял, стал поджидать, пока Кранмер подойдет к нему. Когда он посмотрел в это благородное, улыбающееся лицо, им овладело такое чувство, которое заставляло руки сжиматься в кулаки, от которого так и подмывало ударить этого человека, дерзавшего соперничать с ним в славе и почестях. Но в решительный момент Гардинеру пришло в голову, что в данную минуту Кранмер все-таки является фаворитом короля, так что с ним приходится быть осторожным. Поэтому он затаил в сердце свои дикие желания и заставил свое лицо принять обычное, серьезное и непроницаемое выражение.

Теперь Кранмер вплотную подошел к Гардинеру, и его светлый, сияющий взор остановился на мрачной фигуре.

— Ваше преосвященство, я подхожу к вам с тем, — заговорил Кранмер кротким, благозвучным голосом, — чтобы сказать вам, насколько я от всего сердца желаю, чтобы королева избрала вас своим духовником и пастырем души, и уверить вас, что в этом случае в моей душе не будет ни малейшего недовольства. Я отлично пойму, если Ее Величество изберет в свои духовники такого выдающегося и уважаемого священнослужителя, как вы, и все уважение и почтение, которое я питаю к вам, не сможет не увеличиться еще благодаря этому. Так позвольте же мне скрепить сказанное рукопожатием.

Он протянул Гардинеру руку, но последний, очень небрежно ответив на рукопожатие, сказал:

— Вы очень великодушны, ваше преосвященство, и в то же время вы — очень тонкий дипломат, так как хотите просто очень искусным и остроумным способом показать, что мне следует делать, если королева изберет пастырем души именно вас. А что она сделает это, вы знаете так же хорошо, как и я. Поэтому для меня просто унизительно стоять здесь из пустого требования этикета и ждать, выберут меня или с презрением оттолкнут в сторону.

— Но почему вы смотрите на все это дело с такой мрачной стороны? — кротко спросил Кранмер. — Почему вы хотите непременно усмотреть выражение презрения в том, что не вас выберут на такую должность, которую замещают не по заслугам или отличиям, а просто по индивидуальной симпатии молодой женщины?

— А, так вы признаетесь, что меня не выберут! — воскликнул Гардинер со злой усмешкой.

— Я уже сказал вам, что не имею ни малейшего понятия о желании и намерениях королевы, и мне кажется, что привычка епископа Кентерберийского всегда говорить правду известна всем.

— Разумеется, это все знают. Но ведь все также знают, что Екатерина Парр была самой пламенной поклонницей епископа Кентерберийского и что теперь, когда она добилась своих целей и стала королевой, она сочтет своим долгом выказать ему свою благодарность.

— Вы намекаете на то, что я сделал ее королевой? — спросил Кранмер. — Но уверяю вас, ваше преосвященство, что в данном случае, как и во многих касающихся меня вещах, вы плохо осведомлены.

— Возможно, — холодно возразил Гардинер. — Во всяком случае можно не сомневаться, что молодая королева является пламенной защитницей этой подлой новой религии, которая подобно чуме распространилась из Германии по всей Европе, принеся с собою порчу и растление для всего христианского мира. Да, Екатерина Парр, теперешняя королева, склоняется к учению того самого еретика, которого святой отец поразил громом своего отлучения; она всей душой предана Реформации!

— Вы забываете, — с тонкой усмешкой сказал Кранмер, — что гром этого отлучения поразил и голову нашего короля и что он так же мало повредил Генриху VIII, как и Лютеру. Кроме того, осмелюсь напомнить вам, что мы не называем больше римского папу «святым отцом» и что вы сами признали короля главой церкви.

Гардинер отвернулся, чтобы не дать заметить недовольство и гнев, исказившие его лицо. Он чувствовал, что зашел слишком далеко и открыл слишком много из области своих сокровенных мыслей. Но его пылкая, страстная натура не всегда могла сдерживаться, и хотя обыкновенно он и бывал тонким дипломатом и гибким придворным, по временам наступали моменты, когда священник-фанатик одерживал в нем верх над придворным и дипломат был побеждаем служителем церкви.

Кранмер сочувствовал замешательству Гардинера и, следуя естественной доброте своего сердца, сказал:

— Давайте не будем здесь спорить о догматах и решать вопрос, кто более заблуждается — папа или Лютер. Мы находимся в приемной молодой королевы, так давайте же займемся немного судьбой этой женщины, которую Господь избрал для блестящей участи.

— Блестящей? — переспросил Гардинер, пожимая плечами. — Знаете, давайте-ка сначала подождем конца ее жизненного пути, а потом уже станем судить, был ли он блестящим. Уже много королей входило сюда с уверенностью, что будут почивать на розах и миртах, но наступал момент, когда им приходилось убеждаться, что их ложе было пылающим костром, сжегшим их тело.

— Это правда, — пробормотал Кранмер с легкой дрожью ужаса. — Быть супругой нашего короля — опасное счастье! Но именно потому нам и не следует увеличивать опасность ее положения, которое станет несравненно ужаснее, если мы присоединим ко всему еще и нашу ненависть и вражду. Вот поэтому-то я и обращаюсь к вам с просьбой, за исполнение которой с своей стороны ручаюсь словом: на кого бы ни выпал выбор королевы, не будем сердиться на это и таить планы мести! Господи Боже мой! Да ведь женщины — это такие бедные, странные существа, они так нерасчетливы в своих желаниях и симпатиях!

— Знаете, мне кажется, что вы чересчур хорошо знакомы с женщинами! — воскликнул Гардинер с явным ехидством. —

В самом деле, не будь вы епископом Кентерберийским и не запрети король под страхом тяжкого наказания духовенству вступать в брак, я мог бы подумать, что у вас самих имеется любимая женщина, которая и посвятила вас в основательное знание женского характера!

Кранмер отвернулся и с каким-то непонятным смущением старался избежать пытливых взглядов Гардинера.

— Мы говорили не обо мне, — сказал он наконец, — а о молодой королеве, и мне хотелось снискать для нее ваше расположение. Я видел ее сегодня почти в первый раз и никогда не говорил с нею, но весь ее вид сильно тронул меня, и мне показалось, будто ее взоры умоляли нас обоих стать ей поддержкой на том трудном пути, по которому до нее шло уже пять женщин, нашедших на этом пути только несчастье и слезы, только позор и кровавую судьбу.

— Так пусть же Екатерина старается не отступить от истинного пути, как это сделали все ее предшественницы! — воскликнул Гардинер. — Пусть она будет достаточно умна и вдумчива, и да просветит ее Господь и наставит в истинном знании и вере, дабы она не дала себя увлечь по ложной дороге безбожников и еретиков и оставалась всей душой среди истинно верующих!

— Кто же может сказать, что только он один верует истинно? — печально пробормотал Кранмер. — Ведь существует так много путей, ведущих к Небу, и никто не знает, который из них является истинным.

— Тот, которым бредем мы! — провозгласил Гардинер с высокомерной гордостью служителя церкви. — Горе королеве, если она осмелится пойти другим путем. Горе ей, если она обратит свой слух и внимание к новому учению, идущему к нам из Германии и Швейцарии, если она погрузится сердцем в светскую мудрость! Я буду самым верным и ревностным слугой ее, если она будет со мной, но стану ее злейшим врагом, если она пойдет против меня!

— А назовете ли вы «идти против вас», если королева не избрет вас своим духовником?

— Уж не хотите ли вы, чтобы я назвал это «идти со мной»?

— Ну так дай же Бог, чтобы она избрала вас! — воскликнул Кранмер с пламенной искренностью, сложив руки и обратив взор к небу. — Бедная королева! Первое доказательство любви твоего супруга может стать для тебя первым несчастьем! О, к чему он дал тебе свободу самой избрать своего духовника? Почему он сам не сделал этого выбора?!

В этот момент дверь в королевские покои открылась, и на пороге появилась леди Джейн, дочь графа Дугласа и первая фрейлина королевы.

Затаив дыхание, оба епископа молчаливо смотрели на нее. Это был серьезный, торжественный момент, глубокое значение которого ясно сознавали все трое.

— Ее Величество королева, — дрожащим голосом сказала леди Джейн, — приглашает его высокопреосвященство епископа Кентерберийского явиться в ее кабинет, чтобы помолиться вместе с нею.

— Бедная королева! — пробормотал Кранмер, проходя комнаты и направляясь к королеве. — Бедная королева! Она только что приобрела непримиримого врага!

Леди Джейн подождала, пока Кранмер исчез за дверью, затем торопливо подбежала к епископу Винчестерскому и, склонив перед ним колени, сказала с выражением глубокого смирения:

— Пощадите, ваше высокопреосвященство, пощадите! Мои увещания не привели ни к чему и не смогли поколебать ее решение!

Гардинер поднял коленопреклоненную женщину и сказал с принужденной улыбкой:

— Хорошо, леди Джейн, я не сомневаюсь в вашей ревности. Вы — верная слуга церкви, и она за то будет любить вас и наградит, как мать. Значит, решено: королева...

— Еретичка, — шепотом договорила леди Джейн. — Горе ей!

— А будете ли вы и впредь преданно служить нам?

— Я буду верна каждой мыслью и каждой каплей крови!

— Тогда мы одолеем Екатерину Парр, как одолели Екатерину Говард. На эшафот еретичку!

— На эшафот еретичку! — повторил граф Дуглас, который только что вошел в комнату и услышал последние слова епископа. — Да, она погибнет, потому что мы будем ее бдительными и неустанными врагами. Но я нахожу, что с вашей стороны довольно неосторожно вести такие речи в приемной королевы. Давайте-ка выберем для этого более удобный час! Кроме того, вам, ваше преосвященство, пора в тронный зал, где уже собрался весь двор и ждут только короля, чтобы в торжественной процессии отправиться за молодой королевой и показать ее на балконе народу. Так идемте же!

Гардинер молча кивнул и пошел в тронный зал. Граф Дуглас последовал за ним вместе с дочерью.

— Екатерина Парр погибла, — шепнул он на ухо леди Джейн. — Екатерина Парр погибла, и ты будешь седьмой женой короля!

В то время как в приемной велись эти речи, королева лежала, распростершись ниц перед своим духовником и вместе с ним воссылая к Богу пламенные мольбы о счастье и мире. Слезы дрожали в ее глазах, а ее сердце сжималось словно в предчувствии близящегося несчастья.

Глава 2

Екатерина Парр и ее подруга

Наконец-то стал приближаться к концу этот долгий день церемоний и торжеств, и Екатерина могла уже надеяться, что скоро прекратятся на сегодня эти бесконечные представления и улыбки.

Она показалась вместе с супругом на балконе, чтобы принять восторженные поздравления толпы и поблагодарить милостивым кивком головы. Затем в большом тронном зале

перед ней продефилировал длинный ряд ее новоизбранной свиты, и с каждым лордом, с каждой леди она перекинулась парой ничего не значащих, ласковых слов. Затем, восседая рядом с супругом, она дала аудиенцию депутации от столичного населения и парламента, но с внутренним ужасом внимала пожеланиям счастья и поздравлениям, с которыми до нее приветствовали уже пять жен короля.

Однако, несмотря на все это, Екатерина сумела заставить себя улыбаться и казаться счастливой; она хорошо знала, что взоры короля ни на мгновение не упускали ее из вида и что все эти дамы и кавалеры, рассыпавшиеся перед ней в льстивых приветствиях и комплиментах, в глубине души были ее самыми жесточайшими врагами. Ведь своей свадьбой она разрушила массу надежд, отодвинула в сторону много других женщин, считавших за собою гораздо больше, чем у нее, прав занять высокий пост королевы. Екатерина знала, что все эти разочаровавшиеся в своих надеждах дамы и их родственники никогда не простят ей того, что еще вчера она была равной им, а сегодня уже вознеслась до трона. Она знала, что все они с зоркостью шпионов подстерегали каждое ее слово, движение, улыбку, чтобы иметь возможность выковать из этого обвинение или смертный приговор.

Наконец все эти представления, доказательства преданности и комплименты кончились, и празднество дошло до наилучшей своей части — все приглашенные отправились к столу.

Для Екатерины это было первой минутой отдыха, покоя. Она знала, что с того момента, как Генрих VIII садился за стол, он переставал быть величественным королем и ревнивым супругом, превращаясь в утонченного гастронома, страстного гурмана, и решение вопроса, удался ли паштет и достаточно ли тонок вкус у сазана, было для него гораздо важнее блага народа и процветания государства.

А после обеда наступил час нового отдыха, нового наслаждения, на этот раз — настоящего, которое даже на некоторое время заслонило в сердце Екатерины мрачные предчувствия

и трепетные страхи и озарило ее лицо розовым светом веселости и грацией счастливого смеха.

Дело в том, что король Генрих приготовил для своей молодой супруги совершенно неожиданный и своеобразный сюрприз. Он приказал устроить в Уайтхолле театр, на котором придворные разыграли комедию Плавта. До того времени еще не бывало театральных представлений, кроме религиозных, разыгрываемых народом во время больших церковных праздников, — мистерий и моралите. Король Генрих VIII был первым, кто устроил театр для светских представлений и приказал ставить на нем пьесы, сюжет которых заключался не в драматических эпизодах священной истории. И как он освободил церковь своего государства от ее духовного главы, римского папы, так теперь он хотел освободить и сцену от церкви, чтобы иметь возможность видеть на ней что-либо другое, кроме поджаривания святых и избиения богобоязненных монахов.

Представление римской комедии было новым, пикантным развлечением и большой неожиданностью для молодой королевы. Для удовольствия королевы Генрих приказал разыграть «Curculio», и хотя Екатерина с брезгливой краской стыда слушала неприличные и бесстыдные шутки римского народного поэта, зато Генриха это еще более веселило и вдохновляло, так что самые неприличные сцены вызывали у него взрывы грубого смеха и бурные аплодисменты.

Наконец и эта часть празднества окончилась, и Екатерина могла удалиться в сопровождении фрейлин во внутренние покои.

Теперь она была одна, вне подозрительных взглядов. Улыбка исчезла с ее уст, и на лице отразился отпечаток глубокой грусти.

— Джейн, — сказала она своей фрейлине, графине Дуглас, — прошу тебя, закрой дверь и задерни шторы на окнах, чтобы никто не мог ни видеть, ни слышать меня — никто, кроме тебя, моей подруги, спутницы моих счастливых дней. О боже мой, боже мой, к чему я была так неразумна и покинула